

Яблоне́вый

ЦВЕТ

НАНОФАНТАСТИКА

Наталья Чернышева

— А, Юн. — Командир эскадрильи перехватил меня у ангара. — Ты-то мне и нужен.

— Не было печали. Но начальство положено слушать молча.

— Надо выступить перед аудиторией. Сказать речь. Это дети, Юн. Дети колонистов-транзитников, ждущих рейса на Аркадию. А ведь Аркадию открыл именно ты. И не отказывайся! Я им уже пообещал.

Пообещал он. Знает же, как я не люблю толпу. Да и кто из разведчиков любит? Мы работаем в одиночку, уж так получается, и тишина звездного пространства становится для нас той симфонией, по которой мы выверяем свой полет. Человеческие же лица, голоса, толпа... нет уж, увольте. Лучше еще раз взять рейс к Лазурной, голубому гипергиганту спектрального класса О с массой в триста масс Солнца. Я к нему вышел случайно, едва не сгорел. Гипергиганты редки, нестабильны и живут по космическим меркам всего ничего, около миллиона лет. В нашей Галактике их практически нет... по пальцам пересчитать можно. Лазурная — один из них, причем в пределах досягаемости, мечта астрофизиков и наша головная боль: возить туда ученых... проще сразу повеситься.

В общем, пришел я на встречу, куда деваться. Несмотря на отчаянное желание провалиться на полдороге в черную дыру.

...Юном меня назвала мама. В честь бабушки, Юнны. В детстве дразнили за такое имя, а теперь... кто из вас не знает Юна Скобелева? Живую легенду Внеземелья, единственного разведчика-первопроходца старой гвардии, который до сих пор в строю? Вот и эти ребята знали тоже. Они смотрели на меня, раскрыв рты, горящими глазами. Черт его знает, что им говорить. И как. Они же и так все обо мне знают и о работе моей расскажут лучше не надо, и конечно же все они поголовно, мальчики и девочки, станут пилотами Звездной Разведки. Пилотами, едрена фея, а не какими-то там фермерами-грязедами... колонистами-первопроходцами какой-то там Аркадии... И я их понимал прекрасно.

Что может быть лучше звезд?

А вот мы сейчас и спросим.

Гвалт поднялся — аж потолок подскочил. Разумеется, лучше звезд ничего на свете нет и быть не может. Вы шутите, Юн Георгиевич!

— Лучшие звезд могут быть только звезды! — выкрикнул кто-то, особенно смелый.

При этом все посмотрели на одну девочку, осуждающе, кое-кто — даже с презрительной жалостью. Девчоночка была

так себе, из тех, кого зовут серыми мышками, но характер, как оказалось, имела вовсе не мышиный. На мой вопрос, пойдет ли она в разведчики, последовало категоричное «нет».

— Кем же ты будешь?

— Агрономом, — с вызовом ответила она, всем своим видом показывая: «Видала я ваши звезды».

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался я, жестом утихомиривая насмешки. — Почему именно агрономом?

Она вспыхнула. И... «полетела». Совсем как мы после долгого рейса. Соберемся в зоне отдыха, и — о своей работе. Кто где был, как летал, что видел. Лучше звезд могут быть только звезды. Да. Вот и эта пигалица о своей любимой генетике растений рассказала с таким задором и пониманием вопроса, что даже я, старый космический волк, проникся.

— Лучше звезд, ребята, может быть только полет к мастерству в своем деле. Деле, которое вы выбираете, которому отдаете свою жизнь. Станете вы пилотами Разведки или не станете — еще большой вопрос. У нас очень жесткий отбор, учебные тренировки безжалостны. Многие отсеиваются. Кто на приеме, кто в процессе учебы, а кое-кто — даже налетав личного времени на год-полтора, бывают и такие. Ломаются, не выдерживают, понимают, что не их это дело, не по их силам. И уходят, оборвав свой полет в самом начале разгона. А она уже летит верным курсом. И, будьте уверены, станет мастером. Если когда-нибудь на нашем стационаре появятся яблоневые сады в оранжереях, знайте — это будет дело ее рук.

Не знаю, поняли они или нет. Девочка, будущее светило агрономии, смотрела огромными глазами. Не ожидала, что поддержку. Не ожидала, а все равно полезла отстаивать свое. Одна против всех. Черт возьми, уважаю.

Мы встретились несколько дней спустя. Вроде случайно, но потом я понял: она искала меня. И нашла.

— Юн Георгиевич, вы в рейс, верно?

— Да.

— А можно... я спрошу...

— Да, конечно. Спрашивай.

— А вы... правду говорили про яблоневый сад? Или меня утешали?

Я внимательно посмотрел на нее. Волнуется, теревит пальцами воротничок блузки. Видно, за эти несколько дней завалили насмешками... «пилоты», чтоб их...

— У моей бабушки был сад, — сказал я. — Деревья по весне стояли белые... Если б я мог еще раз пройтись под цветущими яблонями... хотя бы раз...

Давным-давно я ушел из того дома в Пространство. Прожил вне Земли двадцать один год, но родился почти четыре века тому назад. И груз этих непрожитых лет порой давит... вот как сейчас.

— Я выращу вам сад, Юн Георгиевич, — горячо пообещала она. — Обязательно выращу!

Я кивнул. Верю. Она — вырастит.

— До свидания, Юн Георгиевич! Спасибо вам.

— Не за что. Прощай.

Когда-то я пытался понять, как при прыжках сжимается личное время и растягивается время внешнее. Так и не понял, хотя тупицей себя не считал. Но непонимание базовых принципов работы гипердвигателя не мешает мне работать. Я не ученый, не инженер и не техник — разведчик. Мое дело ставить маяки, на которые пойдет потом межзвездный транспорт с колонистами. Или научный вельбот, как к той Лазурной.

Сейчас я уйду в рейс. Я никогда не отказывался от дальних рейсов, кто же такой и возьмет, если не я. Полгода личного времени, от семидесяти до ста лет времени внешнего.

Яблоневый сад. Я увижу сад, но не мастера, из года в год создававшего его для меня.

А может, ну его к черту, этот дальний рейс? Уйду к пилотам-атмосферникам, хоть на ту же Аркадию. Придется переучиваться, но мне не впервой. Зато личное время сравняется с внешним. И сад можно будет вырастить под открытым небом.

Я замедлил шаг.